

The book cover features a vibrant pink and green color scheme. At the top, a pink heart contains the Russian text 'С любовью к тебе' (With love to you). The main title 'Ненастоящий поцелуй' (Not a real kiss) is written in a stylized pink font. The central illustration shows a blonde woman in a pink dress and black patterned tights, holding a cup of coffee and a cake. The background includes a window with curtains, a desk with a computer monitor showing hearts, and an office chair. The author's name 'Мария Чепурина' (Maria Chepurina) is at the bottom, flanked by decorative symbols.

Ненастоящий поцелуй

❧ Мария Чепурина ❧

Мария Юрьевна Чепурин Ненастоящий поцелуй

Серия «Только для девчонок»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=264252
Ненастоящий поцелуй: Эксмо; М.; 2009
ISBN 978-5-699-37490-8*

Аннотация

Давным-давно Вера решила: в ее жизни будет одна-единственная, самая прекрасная любовь! Но почему-то ее никак не удавалось найти: не помогали ни собственные усилия, ни советы сестры. Вере казалось, что вторые половинки есть уже у всех, кроме нее. А потом девушка познакомилась с Мишей и поняла: вот он, тот самый парень! С ним легко, весело и интересно. Есть только одно «но»: он относится к Вере как к другу. Как же заставить его влюбиться?..

Содержание

1	4
2	14
3	24
4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Мария Чепурина

Ненастоящий поцелуй

1

Ученица и учитель

– Ну вот. Понятно, что ли? Давай следующий вопрос.

– «Вскоре после отмены крепостного права в ряде регионов России начались крестьянские бунты. Как вы думаете, чем они могли быть вызваны?»

– И чем?

– Не знаю.

– Как не знаешь!? Разбирали ведь сегодня!

– Ну не знаю...

– Е-мое...

– А! погоди! Наверно, им не нравилось, что их освободили?

– Не нравилось, что их освободили?!

– Да, а что? Привыкли жить рабами и вдруг стали сами по себе. Раньше за них барин все решал, а теперь самим думать приходится. Я слышала, у некоторых заключенных депрессия начинается, когда их из тюрьмы выпускают – до того они уже к ней привязались!.. Думаешь, Мария Юрьевна зачтет

такой ответ? А? Ну что ты молчишь? И не надо смотреть на меня с таким выражением!!!

– Мдя... – Парень многозначительно ухмыльнулся. – Вы, барышня, с каждым днем удивляете меня все больше и больше! Такой интеллект, такая осведомленность – и полное отсутствие способности к анализу!

– Пф-ф-ф! Слов-то, слов-то умных! – только и смогла ответить девушка.

Учитель и ученица сидели за накрытым скатертью круглым столом, заваленным учебниками, книгами, пособиями, атласами, схемами, конспектами, листками разной степени потертости и рваности. Из открытого окна, над которым надувался, как парус, белый тюль, пахло весенней свежестью, влажной землей и молодыми листочками. Гулять было нельзя. Даже просто смотреть на улицу было нежелательно. Приближался конец учебного года, предпоследнего года школы. Исправить четверки по русскому и литературе, портившие почти полностью отличный дневник, уже не представлялось возможным; единственным способом не лишиться надежды на серебряную медаль оставалось подтянуть историю. Хлипкое «хорошо», на которое Мария Юрьевна оценила знания о прошлом человечества, на самом деле было почти тройкой. Совершить рывок на два балла всего лишь за пару недель – наверное, это было так же трудно, как заставить привыкших к рабству крестьян быть свободными.

– Что ж. Начнем с начала. Итак, барышня, прошу вас

вспомнить, на каких условиях освобождалось крепостное крестьянство!

– Да ну тебя...

– Мадемуазель! Не хамите учителю!

– Хватит выпендриваться! Сам ты «мадемуазель»!

– Блин, Созонова! Вспоминай давай условия уже, кому сказал! Ты тройку хочешь?

– Ох... Во-первых, личная свобода. Это сразу. Во-вторых...

Девушка послушно начала перечислять положения Манифеста 19 февраля 1861 года. Приподнятые, как у Гагарина, уголки губ создавали впечатление, что она улыбается, несмотря на усталость. Слишком высокие и чересчур тонко выщипанные брови придавали круглому лицу, казавшемуся из-за прямого каре еще более круглым, выражение наивно-удивленного смущения. О небольшом росте и некоторой упитанности – нет, не полноте, а именно упитанности! – сидящей за столом ученицы можно было догадаться разве что по лежащим на учебниках пухлым ручкам с короткими пальцами. Девушку звали Вера. Имя парня – рыжая шевелюра, веснушчатый нос, смешные оттопыренные уши, несколько волосинок под носом, жидкое подобие бороды и ужасно важное выражение лица – было Михаил.

– И что? – назидательно спросил он, когда перечисление положений Манифеста закончилось. – Сама бы ты не стала бунтовать в таких условиях? Объявить свободу – объявили,

а пахать по-прежнему приходится на барина, да еще и оброк ему платить, пока землю не отработает! Притом, что в результате эту землю тебе еще и урежут: «лишние» участки отдадут старому хозяину, а сам – живи на шести сотках! И кормись с них как хочешь!

– Шесть соток? Погоди... Тут разве говорилось, что шесть соток? – Вера, удивившись, начала листать учебник.

– Ох, наивная вы барышня! – сказал со смехом Миша. – Я же не всерьез! Я ж фигурально! Ну? Шесть соток – это дача. Неужели вы не знаете? Ха-ха-ха!

Девушка захлопнула учебник:

– Фу-ты, ну-ты! Хватит ржать! Слышь? Хватит ржать!

Учитель хохотал.

– Все! Достаточно! Надоел! Давай учи уже!

Миша схватился за живот. Его смешило уже не столько недоразумение с шестью сотками, сколько возмущение ученицы. Без приколов и подколов, тычков и толчков, театральных интонаций и учительских поз не проходило ни одно занятие. Михаил любил выпендриться. Любил подразнить девочку. Обожал продемонстрировать свой ум. Вообще, он был оригинальный тип, этот Михаил.

С Вериной семьей он – сосед по лестничной клетке – познакомился год назад, вскоре после переезда Созоновых в теперешнюю квартиру. Он просто гулял возле дома, когда новым жильцам привезли только что купленный шкаф, и вызвался помочь его тащить – совершенно неожиданно и со-

вершенно бесплатно. «Я и не думал, что в наше время еще остались такие отзывчивые молодые люди», – говорил тем вечером папа. «Хороший, только жаль, что такой страшненький», – добавляла Верина сестра Кира, ложась спать. Сначала оказалось, что Миша живет в одном доме с Созоновыми, потом, что в одном подъезде, потом, что на одном этаже. После таких новостей помощника нельзя было не пригласить в гости. Он согласился и безо всякого стеснения гонял чай до самой темноты, на равных держась с Вериными предками и рассуждая о «феодальной формации» и «колониальном империализме». Только часа через два Вере стало понятно, что новый знакомый имеет в виду что-то из истории.

Через пару недель она узнала, что Миша живет с матерью, которая нередко уезжает в длительные командировки, оставляя его одного, охотно называет себя по отчеству – Вениаминович, любит гулять по ночам, готов прийти на помощь кому угодно, крутится во взрослых компаниях, иногда по неделе не выходит из дому и больше всего на свете увлечен исторической реконструкцией. Время от времени Мишу видели с муляжом старинного меча, один раз даже засекли в средневековом костюме. Соседи считали паренька хорошим, но странным; относились с добротой, но предпочитали держаться на расстоянии.

Почти всегда Михаил был в окружении девчонок: фехтовал с ними в парке, галантно целовал ручки, смешил и часами просиживал на веранде ближайшего детского сада.

ка в компании четырех-пяти ровестниц. «Видела, каков? – с удивлением говорила сестра. – Ушастый, рыжий и при этом ловелас! Крутит сразу с несколькими! Никогда таких не встречала! И чего в нем находят?» Вера тоже поражалась успеху соседа: поражалась до тех пор, пока Миша, как обычно сидевший с кучкой подруг, не заметил ее во дворе и не махнул рукой, приглашая присоединиться. Вера подошла, пристроилась на скамейке и вскоре разгадала загадку галантного оболъстителя. Подруги говорили с ним об истории, о прежних и грядущих реконструкциях, о веселых ту-совках, об общих знакомых и... своих бойфрендах. Они вели себя с ним как с девчонкой. Миша находился в женском окружении не вопреки своей неказистой внешности, а из-за нее: похоже, что девушки просто не воспринимали его как парня.

Вскоре и Вера с Кирой усвоили такую манеру. Сестра, хотя ей было уже двадцать, не гнушалась поделиться с шестнадцатилетним мальчишкой своими любовными переживаниями. «Умеет поддержать, неглупый парень, – объясняла она Вере. – Хотя страшненький. Теперь он как подружка мне». «И не обидно ему так жить?» – удивлялась про себя младшая Созонова. Но Миша, похоже, совершенно не тяготился своим положением «не-мальчика». Он гордился знанием женской психологии, покровительственным тоном намекал девчонкам, что читает их мысли, и при всякой возможности спешил известить подругу о потекшей туши или посыпав-

шейся штукатурке.

Грядущее поступление на исторический факультет было для Михаила вопросом решенным. И к кому же, как не к нему, было обратиться, когда из-за «дел давно минувших дней» под угрозой оказалась Верина медаль! Обожающий играть роль учителя, Миша согласился быстрее, чем его успели толком попросить. Никаких денег он, разумеется, не потребовал: «Это мне и самому полезно будет, – сказал рыжий. – Повторение – мать учения». Теперь Михаил каждый день сидел за круглым столом Вериных родителей и тренировал свои преподавательские способности.

– ...Он, значит, едет, а эти стоят вдоль дороги все четверо с бомбами! Карета подъехала к первому. Девушка машет платком – мол, бросай! Первый струсил. Царь катится дальше. Она машет снова. Второй кинул бомбу. Бабах! – Вера пересказывала Михаилу не сюжет недавно увиденного боевика, а историю убийства царя Александра II. – Дым, грохот, все дела... А царь живой! Ему кричат: спасайтесь, быстро дуйте во дворец! А он: сейчас, только окажу первую помощь пострадавшим! И тут третий с бомбой подбегает... Это нам Мария Юрьевна хорошо рассказала, я с первого раза запомнила!

– Ну вот и славно. Хоть этому тебя не придется учить.

– Кстати, а за что его убили? За то, что выделил крестьянам мало земли и оставил временнообязанными? Но мог ведь и вообще не освобождать!

– Добрый слишком был, вот и убили! – ответил Миша, поморщившись. – В каком это году было?

– В тысяча восемьсот... – Вера пошарила глазами по столу в поисках подсказки, но не нашла таковой. Пришлось вспомнить самостоятельно: – восемьдесят первом!

– Молодец. А что случилось дальше?

– Дальше... На трон взошел Николай II.

– Мадемуазель! Николай в то время был моложе вас! Соображайте!

– Разве... – Вера растерялась. – Разве Николай не был сыном Александра? Он же вроде Александрович?

– Николай был сыном Александра III! – закричал Михаил, возмущенный дремучестью ученицы.

– А-а... – только и смогла ответить девушка.

Миша, довольный очередной демонстрацией своего превосходства, смягчился и решил добавить:

– Кстати, Николашка в один день с тобой родился – 18 мая. Позовешь на день рождения?

Он был доволен тем, как сумничал, ожидал благосклонности и сильно удивился, когда Вера неожиданно помрачнела.

– Не будет никакого дня рождения! И нечего об этом вспоминать! – сказала девушка.

– Ты что, Вер?..

– А что слышал. Дня рождения не будет. Мне останется пятнадцать. Навсегда. Закроем эту тему.

– Да в чем дело? Что, родители гостей звать запрещают?

Быть не может! Передумают, увидишь!

– Ничего не запрещают... Предлагают и настаивают даже, чтоб звала...

– Так что случилось-то?

– Да просто... Как-то грустно... Ладно, хватит, Миш. Похоже, я устала. Завтра встретимся.

Из дневника Веры Созоновой за 15 мая 2008 г.

«День так себе. На химии была лабораторная, и мой придурочный сосед по парте, как всегда, выкрутил горелку до такой степени, что огонь поднялся до самого потолка. Знает, что я боюсь, и поэтому специально так делает! Пришлось отсесть от него за другую парту. Естественно, мне же за это еще и досталось от химички: почему, мол, не работаю, сижусь не там, где надо, и какая же я после этого отличница! Тьфу... Скорей бы закончился этот год...

На танцах тоже облом. Пришла туда, как дуручка, а администратор сказал, что занятие перенесли на завтра. В результате потеряла целый час.

Потом занимались с Мишей. Он, как всегда, умничал и выпендривался, а я, тоже как всегда, делала вид, что злюсь и что поражена его познаниями: ему это ужасно нравится. Все шло нормально, но вдруг он зачем-то не к месту ляпнул про мой день рождения. И тут снова нахлынуло... Чуть было не расплакалась при нем. А этот болван еще и допытыв-

ваться начал, что меня такое расстроило!

Мама, конечно, говорит, что всему свое время. Но не очень-то легко жить на свете, когда у всех это время уже наступило, а у меня одной еще нет! Может быть, глупо расстраиваться из-за того, что у тебя нет парня в двенадцать или тринадцать, но ведь мне уже... Не хочется даже писать эту цифру – сколько мне уже лет. Кира первый раз поцеловалась в четырнадцать с половиной. Неужели я так сильно отличаюсь от нее?! Мы же почти на одно лицо.

Иногда мне кажется, что вторые половинки есть уже у всех, а для меня никого не осталось. Еще иногда – что обнимающиеся парочки на остановках смеются надо мной, когда я поворачиваюсь к ним задом. Разве это нормально – быть одинокой в моем возрасте? Кто еще без половинки? Карасева? Так она же умственно осталая! Фатиева? У этой строгие родители, живут по своим правилам: не разрешают ей встречаться с парнями, зато выдадут замуж, как только исполнится восемнадцать... Миша – подружка всеобщая? Ну разве что он. Хотя много ли я понимаю в этих делах? Может, он только так выглядит, а на самом деле у него есть девушка, просто он это не афиширует?

Тогда получается, что одна только я...

Ладно, заканчиваю писать, а то совсем раскисну и не усну...»

2

Рискованный план

Наверное, пора начинать? Что-то мало нас сегодня... Ну ладно, опоздавшие присоединятся.

Длинноволосая девушка в темно-синих спортивных штанах и короткой маечке того же цвета, завязанной под грудью, присела к магнитофону. Несколько манипуляций – и в спортзале заиграли барабаны и цимбалы, а через минуту к ним присоединился мужской голос. Вера уже выучила эту песню наизусть, хотя не понимала в ней ни слова и даже не знала, на каком она языке. Сегодня она впервые задумалась над этим вопросом и почему-то решила, что на турецком.

Минут десять, как обычно, разминали мышцы. Все: от пальцев на ногах до шеи. Потом преподавательница показала несложный танец, который к концу сегодняшнего занятия следовало повторить. Как всегда, не обошлось без фраз вроде «О нет, мне так не сделать!» или «Лучше я сразу пойду домой!».

Когда полгода назад Вера первый раз пришла в районный Дворец спорта на уроки танца живота, она, разумеется, тоже подумала, что ни за что в жизни не сможет сделать того, что показывает тренер, и, скорее всего, даже не переживет еще одно такое жуткое занятие. Впрочем, она благоразумно оста-

вила эти соображения при себе. Через месяц девушка подумала, что, видимо, надежда все же есть, через два – что надежда есть определенно; через три месяца Веру впервые похвалили. А в последнее время она получала от танцев только удовольствие и приходила домой, наполненная энергией.

– Подтягиваем левое бедро. Потом лобок. Потом правое. Потом попу, – объясняла тренер. – Теперь все соединяем!

С этими словами она быстро завертела нижней частью туловища – так легко, словно эта часть была чем-то отдельным, самостоятельным, нечеловеческим и даже снабженным моторчиком.

– Это называется «тарелочка». Как будто бы тарелка крутится на полу! Так, а теперь попробуем присесть, не прекращая вращения...

Собственные движения, наблюдаемые Верой в зеркале, были вроде бы и правильными, но какими-то не такими. Впрочем, то, что демонстрировали другие «танцовщицы», заставляло уверовать в свои силы. Какая-то расфуфыренная старуха, на десяти пальцах которой блистало семь колец, а губы, окруженные капельками пота, были густо намазаны оранжевой помадой, демонстрировала сморщенный отвисший живот, пережаренный к тому же в солярии. Гламурная особа в розовом спортивном костюме, не преминувшая обзавестись обязательными сережкой в пупке и иероглифом на поясице, вместо бедер работала ногами. Растрепанная девочка в вытянутых трениках смешно оттопыривала попу и

бестолково вертела ей туда-сюда, не попадая ни в музыку, ни в предложенную тренером схему. Ужасно толстая, практически шарообразная тетенька выложила все свои силы на разминке и теперь могла только стоять, громко пыхтя. «Наверняка ходит сюда, чтобы похудеть», – подумала Вера.

Зачем она сама пошла в эту секцию, Вера толком не понимала: все получилось как-то само собой. Сестра посмотрела фильм про арабских танцовщиц и загорелась мыслью им уподобиться. Первые две недели она была в восторге от занятий, а по вечерам только и говорила, что о трясках, проходах, «ключках», «бочках», волнах и прочем тому подобном. Вера только что поссорилась с подружкой, разочаровалась в прежних увлечениях, много скучала и отчаянно чувствовала необходимость перемен. Она поддалась на уговоры сестры и решила попробовать танцевать. Вскоре Кире надоели занятия, а Вера к ним пристрастилась.

– Втягиваем верхнюю часть живота, а нижнюю выпускаем. Потом наоборот: выпускаем верхнюю, а нижнюю втягиваем! – говорила теперь тренер. – Разделите мысленно живот на две части! И представьте, что по нему катается шарик! Вот так...

Она водила кулаком по животу, а тот ходил волнами.

– Ой, кошмар какой! – сказала толстая.

Действительно кошмар. За полгода Вера научилась многому, но волны не давались ей никак. Мысли о шарике не помогали, никаких частей в ее животе не было – он оставал-

ся белым, круглым, цельным и мог или полностью надуться, или втягиваться внутрь – опять же полностью. Оставалось ограничиваться этими немудреными движениями или, как особа в розовом, хитрить и задействовать поясницу, исполняя желанные волны всем корпусом.

– Ох, до чего же мы все тут неловкие! – сказала тренеру старуха со скомканным пузом после того, как «класс» в полном составе провалил попытку подняться из приседа, крутя «восьмерки» бедрами и грудью. – Вам, наверно, и смотреть-то на нас противно!

– Да ладно, это вам так кажется, – миролюбиво ответила преподавательница. – Вот придете домой, покажете мужу, чему научились, и он обалдеет от восторга. Или жениху. Или бойфренду. Точно-точно!

С Вериного лица мгновенно сползла улыбка. До конца занятия Созонова делала все движения через пень-колоду.

– По-о-одняли! Понесли!

Ухватив круглый стол с двух сторон, девушки перетащили его в центр комнаты.

– Тяжело, – сказала Вера.

– Вполне нормально.

– Ну конечно! Посмотри-ка на себя и на меня!

Кира была старше Веры всего на четыре года, но при этом выше ее на две головы и значительно шире в плечах: болтливая родня, заявлявшаяся по семейным праздникам, никогда

не могла удержаться от реплики насчет того, что, дескать, сразу видно, какая дочка папина, а какая – мамина. Характеры девчонок всегда разительно отличались: Кира – резче, авантюрной, уверенней, расчетливей, а Вера – романтичнее и мягче. А вот черты лица у сестер были почти одинаковыми: серые глаза, круглые щечки с ямочками, небольшие заостренные носы. Различный цвет волос (младшая – светлая, старшая – темная) компенсировался одинаковой прической, так что девушки были скорее не противоположностями, а вариациями на одну тему.

– Смотри, – сказала Кира. – Если поставить его вот тут и раздвинуть, то спокойно войдет восемь стульев. А может, и девять.

– У нас только шесть.

– Мы попросим у Миши!

– Не знаю... Зачем эти глупости? Я не хочу дня рождения... Гостей не хочу... Да кого приглашать-то? Лучше пролежу весь день в постели и сделаю вид, что после семнадцатого числа сразу наступило девятнадцатое.

– Мдя...

– Что?

– До такой ерунды только ты у нас можешь додуматься!

Вера обиделась:

– Конечно, тебе легко рассуждать! У тебя к шестнадцати годам было все, что полагается иметь в этом возрасте! А я...

– А ты одна-одинешенька, самая-несчастливая-на-свете! «Никто меня не любит, никто не поцелует, уйду я на помойку, наймусь червячков!»! Верка, ты понимаешь, что, если сидеть сложа ручки и мотать соплю на кулак, ничего и не произойдет? Принцы сейчас на смотрины не ездят! Надо отлавливать их собственноручно! Кстати, если поставить вон в тот конец, получится тоже неплохо! Ты сядешь вот сюда, и свет будет падать так... Ну-ка попробуем!

– Он же тяжелый...

– Давай поднимай, не ленись!

Стол переместился в другую точку комнаты.

– Мы так и будем таскать его туда-сюда до вечера? – плаксиво произнесла Вера.

– Господи, какой же ты нытик! Я просто хотела показать тебе возможные варианты оформления праздника, чтобы ты поняла, как это будет круто, и сразу же захотела его устроить! Ну представь: здесь сядет Коля... здесь Вадим... здесь Петя Лавриков...

– По-моему, это глупая идея – позвать ко мне восемь парней...

– Это почему это?

– Во-первых, потому что они сразу догадаются, зачем мне понадобились...

– Да? А как по-твоему, парень сможет тебя поцеловать, если он не будет знать, что ты этого хочешь? Думай головой, сестра!

– Во-вторых, я буду сидеть перед ними как дурочка...

– А сидеть одной под одеялом в день рождения – значит быть как умная? Ну-ну!

– И в-третьих, из этого ничего не выйдет.

– Ага! – Кирины глаза загорелись. – Ты и говоришь о том, что ничего не выйдет, с грустью! Значит, ты хочешь, чтобы мой план все-таки сработал! Отлично! Захотеть – это уже полдела!

Вера смутилась.

– Давай понесли стол обратно, – сказала она.

Стол вернулся на место, к окну.

– Ты только не бойся, – произнесла Кира, присев возле него. – Поначалу оно всегда страшно, но без этого никак! Через тернии – к звездам, как говорится. В начале тебе покажется, что это просто противно и мокро. Скажешь: «Фу, одни слюни»! А после...

– Ну хватит!

– И знаешь, что еще надо сделать? – увлеченно продолжала Кира, не обращая внимания на Верино возмущение. – Ты должна будешь состряпать все сама! Ну или хотя бы сказать, что сама. Особенно торт! Они, разумеется, похвалят. Это будет маленькое ненавязчивое ухаживание... Да ты сядь! Сядь и слушай меня!

Вера села.

– Ты будешь в сером платье с выпускного, поняла? И сходим к визажисту. Они не устоят! Если в компании много ка-

валеров и одна дама, ухаживать за ней начинают автоматически, ты уж поверь мне!

– Ладно, считай, что поверила...

– А в самый разгар праздника мы предложим им какую-нибудь игру! И призом будет...

– Нет, Кира! Это же... неприлично...

– Если стесняешься, можешь уйти в другую комнату. Я сама все проведу, хи-хи-хи! Ты будешь сидеть там с завязанными глазами, а мы здесь кинем жребий, и тот, кто выиграет, зайдет к тебе...

– И что? Выходит, я не буду знать, с кем целовалась?

– Ну а что? Прикольно даже! Приключение такое! Ух! Сама не ожидала от себя, что смогу подобное выдумать!

– Но это же глупо... Я хочу поцеловаться с любимым, а не неизвестно с кем.

– Зато тебе будет что вспомнить на старости лет, Верка! И потом, откуда ты знаешь: может быть, этот неизвестно кто однажды станет любимым? А любимый окажется совсем не тем, кем тебе казался!

– Как у Пушкина... «Метель»... – сказала Вера. – Где вслепую поженились...

– Ты согласна! – констатировала Кира с удовольствием.

В дверь позвонили.

– Вот уже и Миша пришел. Сейчас посоветуемся с ним насчет твоего праздника. Уверена, что он одобрит мой план!

Не дожидаясь реакции младшей, старшая сестра отправи-

лась открывать.

Из дневника Веры Созоновой за 16 мая 2008 г.

«Весь вечер думала о глупой аванюре, которую предложила мне Кира: позвать на день рождения одних только парней, изо всех сил их очаровывать, а потом поцеловаться с тем, кто выиграет игру или вытянет жребий. Еще Кира предлагает, чтобы я была с завязанными глазами и не знала, с кем целуюсь. Это, конечно, интересно, но главным образом – страшно. Додумалась до того, что представила, как мне понравится этот поцелуй и как я буду искать его «автора» – целоваться со всеми подряд, кто был на празднике. Бр-р-р! Чего только в голову не придет...

Согласиться или нет? Кира думает, что я сомневаюсь просто потому, что еще ни разу не целовалась и боюсь, но дело не в этом. В другой раз, может, и было бы интересно позвать к себе восемь парней и быть в центре их внимания. Но мне-то нужен только один! Кира не знает, что я хочу не просто поцеловаться, а поцеловаться с НИМ! И до чего же глупо получилось, когда он пришел заниматься со мной, а сестра начала грузить его своим планом, как будто он девчонка, а не парень! Кира никогда не поверит, что я влюблена в Мишу, наверное, еще и обсмеет... А мне вечно нравятся не те, кем принято увлекаться.

Да, именно не те. Вернее, не тот. Ведь Миша одобрил

план, а это значит, он ко мне совершенно равнодушен, ему все равно, с кем я буду целоваться. Наверно, у него действительно есть девушка, а я, дура, хочу верить в обратное. Зачем тогда продолжать о нем мечтать? Надо слушаться сестру...»

3

Хуже не придумаешь

Девять персон помещались за столом не без труда: особенно после закуски, горячего, торта и фруктов. К тому времени, как пошел пятый час празднества, Вера наконец начала держаться более-менее уверенно. Ее приглашенные «кавалеры», еще с утра интересовавшиеся окружающим миром, наоборот, размякли, разбухли, растеклись, развалились на стульях и перестали реагировать на раздражители, сосредоточив все свои силы на пищеварении. По преимуществу это были Кирины приятели: звать одноклассников Вера стеснялась, не хотела сплетен, да и парни постарше нравились ей намного больше, чем ровесники. Поначалу, воодушевленные стеснительностью и неуверенностью именинницы, гости хорохорились и юморили, но еда постепенно сделала их похожими на мешки с картошкой. Некоторую подвижность сохранял один только Михаил, приглашенный из вежливости, в качестве хозяина стульев. Кира вертелась вокруг стола, выполняя одновременно роли официанта и массовика-затейника.

– Мальчики, а не сыграть ли нам во что-нибудь? – кокетливо предложила она (надо заметить, уже в третий раз).

– Подожди, Кир! – взволнованно прервала ее именинни-

ца, зная, к чему должна привести игра. – Успеем еще!
Еще торт, вон гляди, не доели!

– Мальчики, кушайте торт! – согласилась сестра. – Вань, смотрю, ты уже все съел. Может, добавки? Мы сами пекли!

– Не «мы сами», а Кира! – воскликнула Вера, смутившись.

Обман любого рода был ей противен, даже если дело казалось мелочей вроде списывания на контрольных или необоснованного хвастовства.

– Не прибедняйся! Мы делали вместе!

– Не слушайте, парни! Все делала Кира, а я только мыла посуду...

– Молодец, Кирка! – выкрикнул один из гостей.

– Сразу видно, что с любовью сделано! – заявил второй.

– И со страстью! – ляпнул третий.

Все чему-то засмеялись.

– Кстати, «торт» происходит от итальянского слова «причудливый», «замысловатый», – зачем-то сказал Михаил, но на него никто не обратил внимания.

Сестры поняли, что надо менять тему.

– Может, потанцуем? – снова взяла на себя инициативу старшая.

– Дам не хватает! – пожаловался занятый добавкой Ваня. Ввиду того, что рот его был набит тортом, фраза прозвучала как «Вам ве вафаеф».

– Было бы желание, парни, было бы желание! – Кира уже рылась на полке в поисках подходящего диска. – Кто-нибудь

танго умеет?

Умеющих не нашлось. Только Михаил зачем-то вставил:

– Кстати, танец танго родился в бедных районах Буэнос-Айреса в конце XIX века...

– Или все-таки поиграем? – не унималась Кира.

– Игривая ты наша! – брякнул кто-то.

– Кира, ну хватит уже об одном и том же! – взмолилась Вера. – Дай людям поесть спокойно! Миш, добавки хочешь? Не стесняйся! А ты, Ваня? Тоже не стесняйся! Возьми третий кусочек, бог троицу любит! А ты... извини, опять забыла, как зовут...

В комнате заиграл медляк.

– Кавалеры приглашают дам, дамы им не отказывают! – выдала Кира фразу из какого-то фильма.

Она кокетничала изо всех сил, стараясь компенсировать стеснительность сестры, но гости никак не желали подниматься с мест: то ли настолько отяжелели, то ли смущались из-за малого количества партнерш и уступали их друг другу из мужской солидарности. Пришлось Кире взять на себя роль аниматора: схватить за руку оказавшегося рядом «кавалера», стащить его со стула и начать топтаться по ковру в обнимку с ним. Три минуты, которые длился танец, оставшаяся за столом компания сидела молча, пораженная смущением и чувством крайней нелепости происходящего.

– Это сколько ж ментов родилось! {Когда в компании все неожиданно замолкают, принято говорить «ангел пролетел»,

а иногда – «милиционер родился».} – прервал тишину выпущенный из лап Киры партнер. – А мы тут неплохо размялись, теперь можно еще чайку!

– Ну народ! Будем танцевать или будем киснуть? – раздраженно спросила Кира. – Колька, слышь? Отрывайся от стула!

Второй танец, равно как и первый, состоялся лишь для одной пары. Только на третью мелодию, когда, перед тем как пригласить Ваню, Кира оглядела всех собравшихся, особенно сестру, свирепым взглядом, Миша решился подойти к имениннице, и они закачались под пение Селин Дион.

– Такого дурацкого дня рождения у меня не было никогда в жизни! – жалобно прошептала Вера. – И ведь чувствовала, чувствовала, что не надо ничего устраивать!

– Да, как-то не очень удачно все складывается... – ответил Михаил.

– Спасибо, что хоть пригласил! А то все эти «танцы» для одной пары были сплошным идиотизмом! Я думала, провалюсь от стыда!

– А я вот заметил, что ты начинаешь проваливаться, и решил прийти на помощь!

– Ты настоящий друг...

– Главное, будь смелее! Может, еще все удастся? – Михаил подмигнул. – В случае чего я помогу!

– Поможешь? Чем?

– Намекну тому, кого ты выберешь, что надо поцеловать

тебя.

По окончании третьего танца Вера засобиравалась на кухню – ставить чайник.

– Какой еще чайник!?! – недовольно воскликнула сестра. – Именинница не должна никого обслуживать! Правда ведь, Миша?

Миша понял намек и отчалил на кухню.

– Ну вы тут пейте чай, а мне, пожалуй, пора, – неожиданно сказал один из гостей.

– Да и я, пожалуй, пойду, – добавил его сосед.

– Никаких пойду! Счачала мы поиграем! – объявила Кира стальным голосом. – И возражения не принимаются!

«Сейчас или никогда, – поняла именинница. – Немедленно, иначе они разбегутся!».

– Шахматы? Шашки? Чапаев? Лото? Домино? Викторина? Карты? – спрашивала распорядительница праздника.

Из коридора высунулась голова Михаила:

– Кстати сказать, – заявила она. – Игральные карты родом из Китая, а в средневековой Европе их называли «молитвенником дьявола». А первые масти были не те, к которым мы привыкли, а мечи, кубки, монеты и жезлы...

– У ы фто? – спросил Ваня, жующий четвертый кусок.

– Да так... Ничего, – миролюбиво ответил ему Михаил.

– Вот ы ны уфныфай! Уфный выфолфа!

– Вань, Вань, ну не надо! Он не умничает! Он про это говорит, потому что ему интересно! – заволновалась Вера.

– А мне неинтересно! – зашумел Иван, кончив жевать.

Именинница тут же шлепнула ему на тарелку пятый кусок торта, чтобы он поскорее занял рот и замолчал.

– В карты – так в карты! – объявила Кира. – Только сначала надо решить, на что.

– Денег нет! – заявили из-за стола.

– Раздеваться не буду! – прибавился другой голос. – У меня трусы некрасивые!

– Сейчас предложат на желание, смухлюют, выиграют и закажут какое-нибудь невозможное безобразие! – поддержал третий гость. – Знаю я этих девчонок!

– Может, на торт сыграем? – предложил Ваня. – Если выиграю, то унесу домой все, что от него осталось!

– Да ладно вам, парни, что вы глупости говорите! – развязно вклинился Миша, забыв о том, что он младший в компании. – Вон какие тут девчонки красивые сидят, а вы не знаете, на что играть! На поцелуй надо, на поцелуй! Мы играем с вами десять конов и тот, кто будет лучшим по итогу, получает право поцеловать именинницу... если она не против.

Вера сидела вся красная как помидор. Сказать, что она не против, было бы ложью, сказать, что против – означало испортить план сестры и сделать напрасными столькие мучения. Оставалось только молчать.

– Молчание – знак согласия, – сказал Миша. – В дурачка, да?

Парни начали играть.

Десять конов обещали занять как минимум час времени, и Вере совершенно не улыбалось сидеть и наблюдать за игрой все это время.

– Я пока выйду, освежусь, – сообщила она.

Выбралась из-за стола, дошла до туалета, умылась. Потом долго рассматривала в зеркале свои губы, которым остался час быть нецелованными, и гадала, станут ли они после поцелуя выглядеть по-другому.

Когда Вера возвратилась в комнату, то увидела там Колю, обхватившего за талию сестру.

– Эй, не тот, кто первый выйдет, а тот, кто по итогам десяти конов! – воскликнул Михаил. – И не Киру, а Веру!

– Отстань, зануда! Кирка, пошли, выйдем! – сказал Коля и утащил сестру в коридор.

Остальные бросили игру и засобирались домой. Через десять минут, кроме Веры, в комнате остались только Миша, собиравший посуду, и Ваня, заворачивавший шестой кусок торта в салфетку.

В десять вечера Киры, отправившейся гулять с выигравшем неизвестно чей поцелуй Николаем, еще не было. За время ее отсутствия Вера получила возможность вволю поплакать в общей комнате сестер. К тому времени, как раздался звонок в дверь, слезы уже высохли, но лицо все еще оставалось красным и распухшим.

– Нагулялась! – буркнула Вера, слезая с кровати и отправляясь открывать. – Сейчас мне еще и выговаривать будет... Кто там?

– Сосед пришел к вам, барышня! – раздался Мишин голос.

Именинница открыла.

Михаил взглянул на нее по-деловому и еще более самоуверенно, чем обычно.

– Родители уже дома? – поинтересовался «историк».

– До одиннадцати у бабушки, – грустно ответила Вера, словно жалуясь, что праздник мог бы до сих пор продолжаться, будь он по-нормальному организован.

– В таком случае разрешите войти. Есть конфиденциальный разговор!

Девушка послушно отступила.

Они расположились на привычных местах учителя и ученицы.

– Плакала?

– А то не заметно...

– Не умеешь ты обольщать, Верка! – констатировал Михаил с умным видом.

– Небось без тебя знаю. Умничать пришел, да? Мало на тебя сегодня Ваня наезжал?!

– Не злитесь, барышня. Вам нервы – не идут! Лучше послушайте меня.

– Чего тебя слушать-то?

– А того. Я тут подумал и понял: тебе нужен тренинг!

– Какой еще тренинг?

– Такой. Поскольку ты с парнями не общалась, опыта не имеешь, в их присутствии теряешься и нужных слов не находишь, с тобой нужно попрактиковаться. Собственно, я в качестве соседа, друга и репетитора готов данную услугу предоставить. Совершенно бесплатно! – последние слова Миша произнес особенно торжественно и важно.

– Будешь поучать меня? Ну-ну.

– Зачем же поучать? Никакой теории, одна практика. Практический опыт на словах не передается, так-то, барышня! Пригласите меня куда-нибудь, встретимся с вами, пройдемся, так сказать, туда-сюда, а вы при этом будете вести себя так, как будто бы влюблены в меня по уши: заигрывать там, глазки строить всякие... Ну все как полагается. А после разберем. Анализ сделаем.

– Какой еще анализ?

– Ну анализ поведения твоего. Ошибки, то есть, выясним.

– И что потом? Работу над ошибками?

– А как же! Ты не бойся: пара тренингов – и склеишь кого хочешь. Все мальчишки твои будут!

– Скажешь тоже...

– Вот скажу! Сама потом увидишь. Ну так что?

– Ну...

– Вижу, ты согласна! Значит, завтра?

– Э-э...

– Завтра. Решено!

– Миш... ты меня пугаешь!

– Не пугайтесь, мадемуазель, все будет хорошо! Я же свой, я же все понимаю. Нормальная дружеская услуга, все так делают... Так куда я приглашен завтра?

– Ну... – в Вериных глазах запрыгали чертики. – Вообще-то, завтра я собиралась на небольшой шмоткинг. Может, прошвырнешься со мной по магазинам? Я буду все примерять, а ты – смотреть и говорить, идет или нет. Дорогой и попрактикуемся.

– Чего ж... Это можно, – сказал Михаил. – Я, конечно, рассчитывал на что-нибудь другое, ну да ладно. Там видно будет. Значит, договорились?

– Типа того.

– Вот и славно. Вы только отоспитесь хорошенько перед свиданием и утром марафет наведите! Чтобы все как по-настоящему! Ну и платье какое-нибудь... того-этого... Не трапезное.

– Без тебя разберусь! – Вера фыркнула. – Умный нашелся...

– Да вы не нервничайте, барышня, не нервничайте! Вам, знаете ли, нервы и правда не идут. Цвет лица портят. И помните, что все у вас получится. Вот у моей девушки, например, тоже сначала не выходило. А теперь она такая – у-у-у!.. Вообще-е-е-е!...

Из дневника Веры Созоновой за 18 мая 2008 г.

«Похоже, это худший день в моей жизни. Кирина затея с поцелуем провалилась: я просидела кучу времени среди малознакомых парней, ужасно стесняясь, не зная, о чем с ними говорить, и видя, что им скучно. А Кира так усердно кокетничала, что они решили, будто весь праздник устроен для нее и ради нее, а я – только необязательная декорация. В результате выигравший игру парень поцеловал ее, а не меня. По правде говоря, это не так уж и плохо: он не очень-то симпатичный. После застолья Кира отправилась с ним гулять и вернулась в одиннадцатом часу, страшно довольная. Я спросила, не был ли мой ДР просто предлогом для того, чтобы она смогла привести домой своих дружков и развлекаться тут с ними. Она в ответ закричала, что я сама виновата и что, если бы я вела себя активнее, ей не пришлось бы так откровенно заигрывать с парнями. Если бы не я, говорит, они бы у тебя уснули все. Или, говорит, через час разбежались бы. Я, говорит, на романтический лад их настроила, а ты, бестолочь, даже воспользоваться этим не смогла. В общем, поссорились.

Вечером пришел Миша и заявил, что хочет провести со мной тренинг по флирту, выступить в качестве подопытного кролика, псевдокавалера. Я, дурочка, страшно обрадовалась: думала, он таким оригинальным образом приглашает

меня на настоящее свидание. Ха-ха! Наивная! В конце Миша оговорился, что у него есть девушка. Чего он добивается, в таком случае? Может быть, действительно хочет по-дружески научить меня общаться с парнями? Ну а что, занес же он нам шкаф... От такого чудика всего можно ожидать. Вывод один: мне с ним ничего не светит. Миша может быть только подружкой. Тем более что на празднике он сам признался, что пригласил меня танцевать только из жалости. Потом еще сказал, что готов помочь с реализацией плана. Я думала, он предложит поцеловать меня... Дурочка великовозрастная!!!

В общем, получается, что в один день я и состарилась, и праздник себе испортила, и с сестрой поссорилась, и на взаимность Миши последнюю надежду потеряла.

И ничего мне впереди не светит».

4

Мишины уроки

– Зайдем сюда еще раз, ладно, Миша?

– Как?! Опять?!

– Я должна еще раз померить те кремовые штанишки...

– Но ведь ты мерила их уже два раза! Сколько можно, в конце концов!?

– В те разы у меня еще не было маечки. Надо проверить, как с ней. Ну пошли, Миш!..

Вера схватила своего «тренера» за рукав и поволокла вдоль рядов одинаковых прозрачных магазинчиков большого торгового центра.

– Штанишки не здесь... – огорченно произнесла она спустя минуточку. – А ты не помнишь, где они были?

– Я уже не помню, где мы сами, – буркнул Миша. – Тут все одинаковое. Ходим уже пять часов. У меня вся ориентация сбилась и ноги болят! Сейчас усну на ходу!

– Не ругайся. Ты сам согласился, – ответила Вера.

– Ну сам...

– Вот теперь и не жалуйся. Ой!.. Посмотри-ка, какие здесь туфельки!

Вера припала к витрине.

– Ужас какой, – сказал Миша. – Мне прямо страшно де-

лается, когда ты так смотришь на это барахло. Кажется, сейчас начнешь облизывать...

– Не носи ерунды! Если тебе так хочется болтать глупости, то болтай глупости про свою историю, как ты это обычно делаешь... Давай-ка зайдем сюда.

– Вообще-то, про историю я болтаю умности обычно. А тебе надо купить вот эти! О! Гляди!

Михаил ткнул пальцем в зеленовато-розовые, разукрашенные цветочками кеды на шпильках.

– В таких галошах Киркины пацаны перед тобой точно не устоят! Коля сразу же целоваться полезет, а Ваня вообще тортом подавится, как только увидит! Хи-хи! – сострил «тренер», за что сразу же получил тычок, почему-то развеселивший его еще больше.

Примечательно, что смеялся Миша, обычно так любящий подколы, впервые за всю прогулку. С утра он зашел за Верой с таким лицом, как будто собирался с ней не в магазин, а на похороны. Погода не способствовала улучшению настроения: всю ночь шел дождь, температура упала до плюс десяти, а холодный ветер советовал забыть о грядущем лете. За первые же пятнадцать минут прогулки Миша вывозил по колено свои штаны и стал еще более кислым. Потом машина, больше похожая на катер, рассекающий морскую гладь, украсила его и без того непрезентабельную куртку черными крапинками. «Тренер» размазал их по спине и рукавам, но красивее от этого не стал. После этого, в течение часовой

го путешествия в автобусе до центра, он хранил молчание. Только раз отрыл рот: сказать, что здание за окном, по-видимому, относится к XVIII веку и в нем теоретически могли останавливаться декабристы на пути в Сибирь. Вера благо-склонно кивнула, но предложенную тему беседы поддержать не смогла.

Затем началось хождение по магазинам. Поначалу (на протяжении трех-пяти первых примерок) Миша держался бодрячком и даже высказывал кое-какие дельные соображения по поводу кандидатов в Верины наряды. Потом он утомился и на любые вопросы начал отвечать «Да, идет», «Да, красиво», «Конечно, бери». Во время десятой примерки он неожиданно выдал дурацкий вопрос: «А чем тебя, собственно, не устраивает существующий гардероб?» Получив подробный ответ, снабженный многочисленными и неопровержимыми аргументами, «тренер» сник и стал тоскливо смотреть по сторонам, печально провожая взглядом каждую скамейку и каждый указатель выхода. Видя, что обычно лидирующий Миша сдает позиции, Вера взяла власть в свои руки и объявила, что план по закупке одежды будет выполнен во что бы то ни стало. Парень терпел еще час. Потом он окончательно раскапризничался, начал проситься в туалет, в ларек, в кафе, на улицу и совершил несколько попыток смыться. Сжалившаяся ученица согласилась на небольшой привал: они взяли по мороженому и устроились на скамейке. Казалось бы, для тренинга по флирту пришло самое время!.. Но

нет. По странной случайности Вера и Миша оказались сидящими на разных концах скамейки, глядящими в разные стороны и имеющими весьма независимый, как бы заранее отвергающий любые заигрывания вид. Закончив трапезу, они оправились искать бежевые штанишки. Об изначальной цели встречи за пять часов так и не было упомянуто ни одной из сторон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.